

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10940

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ И ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ

Аннотация. В статье ставится вопрос о роли идеологии в историческом процессе. Социальные философы постоянно спорят о полезности идеологии вообще. С одной стороны, именно в эпоху Просвещения появилось само слово «идеология», которое выражало мысль о том, что нужна теория, которая раскрыла бы роль идей, функционирование доктрин и их безоговорочную полезность. Но именно в эти же времена рождается своеобразный феномен, который получил название «критика идеологии». Казалось бы, разоблачение «ложного сознания» имеет богатые философские традиции. Однако возникла и другая тенденция — прославление идеологии, анализ ее несомненной роли в жизни общества.

Автор использует традиции историзма для того, чтобы сравнить разные подходы к идеологии — от её отрицания до возвеличивания. Применен также метод феноменологического анализа столь сложного социального явления.

Новизна статьи в том, что её автор показывает: однозначного отношения к идеологии нет. Процесс идеологизации сменяется процессом деидеологизации. Это во многом связано с социально-историческим подходом. Восходящая власть в зените своей деятельности всегда настаивает на разработке идеологии, на безусловной её значимости и ценности. В то же время новые социальные силы, идущие к власти, критикуют прежнюю систему идей и прибегают к разоблачению социальных мифов.

Ключевые слова: идеология, ложное сознание, критика идеологии, идеологизация, реидеологизация, философия, мировоззрение, история, наука, власть.

В 1926 году видный итальянский коммунист Антонио Грамши оказался в тюрьме. Долгие дни и зимы пришлось провести ему в застенке. Он был освобожден только в 1934 году. До кончины оставалось всего четыре года. Там в камере он начал писать «Тюремные тетради», которые позже принесли ему огромную славу. Его размышления были изданы позже на многих языках. Темы, затронутые в «Тетрадах», касались самых разных аспектов гуманитарного знания. Особый интерес автора вызвали поворотные события политической истории. Он стремился осмыслить опыт Реформации, Французской революции, русской революции 1917 года. Две темы из этого обширного перечня политических сюжетов оказались весьма волнующими: проблема гегемонии и отождествление политики со страстью. Обычно первая тема сопряжена с обсуждением насилия, его оправданности и тех издержек, которые с ним связаны. Рассуждения Грамши поразили своей нетривиальностью. Да, революция неизбежно приводит к гегемонии, к принуждению. Но она не обязательно должна обернуться только насилием. Власть держится не только на диктате покор-

ности. Она укрепляется главным образом согласием граждан. Не просто вынужденной поддержкой власти, но еще и убежденностью в справедливости того, что предлагают властители. Полемизируя с другим видным итальянским теоретиком Б. Кроче, Грамши утверждает правомочность идеологии. Политическая инициатива может носить «наступательный характер», вести постоянные атаки, давить на противника. Но она способна также к серьезной социальной полемике. Необходимо не только насилие, но и идеологическое убеждение. Создание и распространение идеологий — святая обязанность теоретиков, учёных, представителей интеллигенции.

Власть не может обеспечить собственное величие без идеологии, массам тоже она нужна. Сегодня в нашей стране часто сетуют на то, что в существующей Конституции Российской Федерации говорится о недопустимости любой государственной идеологии. Многие политики считают это ошибкой. Они ратуют за возрождение идеологии. Толкуют о том, что без идеологии страна не может решить поставленные перед ней исторические задачи.

Вокруг понятия «идеология» происходит сегодня нечто невообразимое. О нем затосковали не только политики, но и ученые, чиновники, бизнесмены. Оживилось племя идеологизаторов. Маята по идеологии охватила даже широкие массы людей. Многие вспоминают как отрадный исторический период время, когда генсеком был Л.И. Брежнев. При этом конкретные обнаружения этой тоски по идеологии подчас выглядят курьёзно. Ответственный и весьма популярный в стране еженедельник под Новый год заявляет: «Без внятной государственной идеологии ёлка становится скучной». Напрочь забыт прекрасный фильм «Карнавальная ночь», в котором как раз государственная идеология обеспечила в тот новогодний вечер необоримую тяжесть скукотищи. Вице-губернатор Пензенской области Вячеслав Сатин заявил: «Нам нужна новая идеология, новый методологический подход». Знаете ли вы, по какому поводу прозвучали эти слова? Он сказал: «Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию!». Честное слово, тут нужен неизбывный талант Игоря Ильинского, который мог бы с непередаваемой серьезностью произнести с экрана эти слова. Суперкомический эффект гарантируем.

А может быть, никакого комизма и не предвидится. «Умное лицо — это еще не признак ума, господа», — сказано в популярном фильме. Не будет ошибкой сказать, что началась полоса активной девальвации идеологии под видом оперативного, неумолимого ее возрождения. Идеологию наделяют такими авторитарными смыслами, что кажется, будто политики в очередной раз решили реализовать утопии Оруэлла или Замятина. Она, по замыслу очередных идеологизаторов, должна незамедлительно вторгнуться в личную жизнь людей, мобилизовать их, принудить к единомыслию, к тупой покорности. Летопись идеологии как феномена, ее смысл и предназначение отвергнуты. Однако история наказывает тех, кто не учитывает ее уроки. Идеологизаторы ведут себя так, словно в минувшем столетии не было яростных споров относительно судьбы этого феномена, не сталкивались различные социологические концепции. Невольно вспоминается фраза М.С. Горбачева: «Относительно плюрализма не может быть двух мнений, он нам нужен».

Такое простецкое отношение к идеологии особенно поразительно, если учесть, что к ее трезвому осмыслению подключились в конце минувшего столетия и начале нынешнего выдающиеся

современные философы, в том числе Поль Рикёр, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители. Проблема вовсе не так проста, как кажется на трибуне Государственной Думы. Невольно рождается тревога, не готовы ли мы в очередной раз профанировать важнейшие социальные понятия, прагматизировать их глубочайший смысл и войти в царство абсурда. Упаси Бог, если принудительная сила идеологии коснется столь укромных сфер человеческой жизни, как зачатие. Не приведи Господь, если тоталитарная мощь идеологии будет мобилизована для укрепления властости.

Мы не собираемся дискредитировать само понятие идеологии. Эту задачу в свое время блестяще выполнил Карл Маркс. Он объявил ее «ложным сознанием». В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса раскрыты такие аспекты теории идеологии, как происхождение идей, дана характеристика так называемого идеологического метода мышления, проведен анализ буржуазной идеологии как ложного сознания, рассмотрена социальная мифология. Вместе с тем в их работах подчеркнута активная роль сознания, субъективного фактора, проанализировано соотношение различных форм общественного сознания.

Это общее суждение требует все же корректировки. Пожалуй, и до Маркса идеология подвергалась унижению. Вообще, надо полагать, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были изложены серьезные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона были рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна избличать политические институты как средства духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способа оправдания несправедливых социальных отношений. Одним словом, предполагалось, что именно идеология имеет шансы противостоять власти, поскольку она выступает в роли теоретического контролера официального государственного курса. Разве сегодня идеология находится в критическом дозоре?

Когда современная власть ратует за возрождение идеологии, она меньше всего имеет в виду критическую функцию массовых идейных процессов. Напротив, она ищет в этом феномене возможность укрепления власти, поддержания единомыслия, порядка, необычайного ресурса воспитания масс в период духовного разномыслия. Нетрудно представить, что общий призыв к идеологизации масс при всех благих и оправданных намерениях может обернуться черносотенными или неоязыческими манифестациями, религиозным фанатизмом, идейной неразборчивостью. «Развязывание» языков и инспирация умов неоднократно приводили к расшатыванию власти, к идейному разброду. Поэтому в конкретной исторической практике нередко полезнее оказывается идеологическое воздержание или явная деполитизация масс. Вопрос в том, какой исторический момент переживает себя Россия и нужна ли ей сегодня идеология?

И все же в жизни каждого народа или страны возникает такая ситуация, когда призыв к единой идеологии оправдан. Могли ли национально-освободительные устремления получить реализацию, если бы они не были воодушевлены общей идеей свободы? Разве музыка Верди не звала на борьбу против австрийских угнетателей? Могли ли формироваться национальные государства без призывной, рекрутированной идеологии? Неужели приверженцы социалистических идей пришли бы к власти, если бы не стремились внедрить в массы собственные идеи? Выходит, власть всегда рискует, когда призывает к идеологической мобилизации. В истории случается, что ветхозаветный российский национализм на пике собственного акме имеет шанс парадоксально пробудить тягу к европеизации. Идеология русского народа, «русскости» может вызвать к жизни различные национальные «измы». Фундаментальное православие способно вызвать эффект реисламизации. Прежде чем ринуться в пучины идеологизации, надо просчитать и возможные последствия безрассудной индоктринизации.

Может быть, именно поэтому идеология, как правило, зовет в неизвестное. Неслучайно видный словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек отмечает, что «идеологической» социальной действительность становится тогда, когда есть незнание. Это проверенное философское суждение. А ведь отечественные идеологизаторы полагают, что именно утверждение конкретной

идеологии обеспечит кристальную мировоззренческую ясность и идеальный порядок. На самом деле носителем незнания являются субъекты данной исторической ситуации. Это можно трактовать так: в любой идеологической ситуации есть «слепое пятно», которое скрывает от человека нечто, безусловно важное.

Так, голый король из сказки Андерсена не ведает, что он голый. В той же мере жертва либерально-демократической идеологии не знает, что свобода, которой он кладет на заклятие все свои силы и саму жизнь, с необходимостью оборачивается его закрепощением в том случае, если у него нет достаточного капитала, который позволил бы ему жить, не продавая свою рабочую силу. Он борется за свободу, но не как истекающий кровью, ползущий на баррикаду человек на картине французского художника Эжена Делакруа. Он такой раб свободы, который ползет к прекрасной деве с красным флагом, но приползает всегда в одно и то же рабство в одну и ту же необходимость отказаться от всякой свободы ради куска хлеба для себя и своих детей. Граждане современной России ощутили это на своей судьбе. А ведь безграничная свобода казалась таким соблазном, что верилось: «иного не дано». Сегодня от этого жаркого энтузиазма осталось только пережеванная правда: «Свобода лучше, чем несвобода».

Жертва либеральной идеологии не знает, что свобода — это совсем не то, что нарисовано на полотне живописца Э. Делакруа. Он проливает кровь не за свободу как таковую, а в основном за свободу собственности, за которую и борется сформировавшийся новый класс во времена Французской буржуазной революции. Он еще не знает, что свобода слова, совести, вероисповедания и пр. — это периферийные свободы, обслуживающие главную: свободу иметь имущество, независимо ни от чего. И ничего плохого нет во всех этих свободах, если у тебя есть собственность. Даже если у тебя ее недостаточно, и ты вынужден работать, то ничего плохого нет и для тебя, только ты хорошо должен знать цену, которую лично тебе придется платить за радость жить в либерально-демократическом обществе. Вот эта изнанка идеологии осознается далеко не сразу.

Значит, логика критиков идеологии не беспочвенна. Незнание, а идеология не может быть универсальной, она всегда что-то упускает, влечет к идеологическому плену. В ходе идеологического просвещения идеология может обрушить самоё

себя. Кстати, об этом неплохо написал немецкий философ Петер Слотердаик. Он в своей недавней книге «Критика циничного разума» утверждает, что после внушительной критики идеологии наступает ее смерть. Но тогда на смену ей приходит еще одна форма ложного сознания, которая страшнее идеологии. Имя ей цинизм. Рассчитавшись с идеологией, мы рискуем войти в царство непристойного скепсиса.

Своевременное предупреждение. Нам, судя по всему, предстоит разобраться в своеобразном духовном феномене, который называется «критикой идеологии». Ведь это огромная духовная традиция, к которой, кстати, причастен и Карл Маркс. Родившись в эпоху Просвещения, «критика идеологии» противостоит сегодня любой идейной мобилизации, в известной степени затемняет роль идеологии в истории. В XVIII в. критика идеологии выполняла важнейшую социальную функцию — она была манифестом борьбы. Эта критика не только сокрушала консервативно-самодовольное сознание. Она служила плацдармом, на котором оттачивалась социальная мысль, играла роль своеобразного духовного тренинга. Именно об этом говорится в книге «Критика циничного разума». В то же время «критика идеологии» утрачивает всякую диалогичность. Она оценивает любого идейного противника как «клинический случай», как патологический феномен. Здесь очевидна опасность идейного фанатизма. Нет необходимости снова приводить известные исторические примеры. Идейная ярость не всегда продуктивна. Чаще всего она губительна.

Но разве такая идеологическая беспощадность не приносит пользу? Расчеты с любым пристрастным мнением, с духовными заблуждениями — неужели не пробуждают ростки нового мышления? Критика идеологии позволяла обнаружить тайные, неявные мотивы противника. Она стремилась представить общественности воспроизводство ложного и несвободного сознания. Разве в наши дни существует такая неистовая диагностика духовных процессов?

Пожалуй, такого идеологического фанатизма сегодня предостаточно. С каким напором, к примеру, критикуется в наши дни либеральная идеология! Да, реализация либерального проекта в нашей стране обернулась многими утратами. Да, Конституция РФ 1993 года закрепила ценности либеральной идеологии в качестве общеобязательных, игнорируя иные идеологические ориентиры. Но ведь базовые

ценности либеральной идеологии — священность и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности (права на жизнь, свободу и частную собственность). Не вытравятся ли из общественного сознания в результате такой идеологической агрессии значимость достижений либеральной мысли? Различного рода телевизионные «барьеры» сегодня преследует единственную цель — перекричать собеседника, сразить его мощью идеологического напора. За всем этим ощутима пагубная потребность в единственно правильной идеологии. Провозвестие диалога как крупнейшего достижения философии минувшего столетия начисто игнорируется. Во всем отыскивается не рациональное зерно, а неистинность и злая воля. Всякое заблуждение квалифицируется как злонамеренная идеология. Но при этом в идейном багаже не оказывается собственно никакого позитивного содержания.

Это и дает основание мыслителям указать на нынешнее онаучивание идеологии. Она выступает теперь во всеоружии теоретической серьезности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике. Развертывается холодная война сознаний. Но беда в том, что никто никого не слышит. Критика идеологий, став серьезной, подражает в своем подходе хирургии: она стремится вскрыть пациента скальпелем критики и, надлежащим образом всё продезинфицировав, оперировать. Стиль аргументации при критике идеологии — от критики религии в XVIII столетии до критики национализма в XX веке — характеризует поза обличителя. Повсюду разоблачаются внерациональные механизмы, порождающие мнения, — интересы, страсти, фиксации, иллюзии. Однако на деле число социальных мифов множится.

Изобличение иллюзий — разве не в этом миссия социального мыслителя, идеолога? Власть стремится узаконить свое первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему призванию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества.

Нет сомнений в том, что идеология стягивает всё мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создает всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело,

что и «критика идеологии» демонстрирует в конечном счете формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не подпадаем ли мы при этом под скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

Между прочим, Жижек не соглашается со Слотердайком. Смысл идеологии, считает он, состоит не только в «думании». Если бы это было так, то тогда «критика идеологии», раскрыв все карты обмана, привела бы к краху «ложного сознания». Тогда не было бы в мире больше никакого идеологического принуждения и эксплуатации. Но дело в том, считает Жижек, что идеологии гнездится вовсе не на уровне «думания», а на уровне «делаения», что (в его терминах), идеология — это не симптом, а фантазм; значит понять, что тебя обманывают, вовсе недостаточно для того, чтобы не быть обманутым вновь. Сколько бы ни разоблачали идеологию, она способна торжествовать вновь, хотя все её секреты давно изведаны. Не раз в истории западного мира заявляли об окончательном крахе и гибели идеологии как феномена. Не раз в этой истории ее триумф возобновлялся. Политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии.

Само слово «идеология» впервые ввел в употребление А. Дестют де Траси в 1796 г. На рубеже XVIII-XIX вв. поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину. Подчеркивая активный характер, практическую значимость идеологии, деятели того времени пытались теоретически осмыслить, как философские идеи влияют на политику. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

Именно в тот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (А. Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кондильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об

идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, призванную изучать методологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, иметь в настоящем или будущем непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя. Какой парадокс подготовила история! Слово «идеология», придуманное специально для обозначения трезвого, беспристрастного мышления, стало затем синонимом обмана и фальсификации социальной правды.

Можно ли считать, что эта традиция, согласно которой идеология считалась теоретической основой общества, была затем утрачена? Идеология в нашем сознании долгое время отождествлялась с разного рода мистификациями, мифами, иллюзиями, которые лишь затемняют общественное сознание. Немецкий философ Юрген Хабермас даже писал так: «идеология является бытующей мистикой».

Хорошо известно, что разоблачение идеологии продолжалось в течение десятилетий. Не в этом ли смысл концепции деидеологизации, философской и социально-политической концепции, которая получила широкое распространение на Западе в 50-х и 60-х гг. XX столетия? Её основоположники провозгласили «закат идеологии», устранение идеологии из обществоведения, политики, повседневной жизни. Деидеологизацией называют также направление теории, политики и практики, которая отвергает односторонне классовый, предельно идеологизированный подход к анализу и оценке социально-политических феноменов и процессов и отдает приоритет общечеловеческим интересам и ценностям перед классовыми и групповыми.

Это недолгое идейное поветрие было вызвано докризисным процветанием западного мира. Тогда казалось вполне естественным представление о том, что в благоустроенном обществе, где отлажены экономические, политические, социальные процессы, нужды в идеологии нет. Возникает совсем иной запрос: нужны специалисты, которые контролируют каждое звено общественной жизни, предлагают продуманные общественные решения. В самом деле, кому станут верить люди — социальному мыслителю, специалисту, который предлагает «от имени науки» взвешенное и продуктивное суждение или политику, который изо всех сил стимулирует «ярость масс»?

Мода на харизматиков стала утрачиваться. На вершинах власти оказались самые заурядные политики, не поражающие избирателей ни умом, ни личностными качествами, ни моральной стойкостью. Пришло время технократов. Они прониклись мыслью, что с помощью индустриального переворота, искусной социоинженерной экспертизы и тотального планирования в национальных масштабах можно не только обеспечить благосостояние людей, но и значительно ускорить темпы социального прогресса. Технократы внедряли в общественное сознание представление о том, будто социальная ткань податлива и мягка. Она может выкраиваться по идеальному стандарту, подсказанному наукой. Эта идея родилась в сознании технократов, высококвалифицированных специалистов в бизнесе, в организации производства, планировании досуга. Укоренившись в различных звеньях общественного организма, эксперты, естественно, были убеждены в своей необычной миссии.

Но что же заставило социальных мыслителей так стремительно отмежеваться от концепции «идеологизации», которую они сами же пестовали? Я полагаю, что идеологизация выражала некий мираж, иллюзию. Ведь монетаризм сам по себе тоже является идеологией, разве не так? Формально он сводится к набору экономических экспертиз и рекомендаций. Но при этом исходит из широкого круга мировоззренческих проблем — трактовка смысла жизни, ориентировка поведения, ценностные идеалы, инспирация рыночных оценок в тех сферах жизни, где они недопустимы. Любовь в рыночном обществе предлагается в качестве товара, дружба — как выгодные партнерские отношения. Разрастаясь в качестве чисто экономической модели, монетаризм стал обогащаться многочисленными идейными сюжетами. Так на фоне идеологической пустоты утвердилась «новая идеология жизни».

В идейной жизни этот процесс вызвал обновленную веру в идеологию. Смысл новой кон-

цепции — реидеологизации — обозначен приставкой «ре», предполагающей возрождение идеологии, усиление ее роли в современном мире. В начале 70-х гг. XX в. ведущие теоретики «реидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, О. Лемберг, Р. Нисбет и др.) объявили, что в современном мире происходит бурное обновление духа, обнаружены и задействованы дремавшие до сих пор мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии капитализма. Ныне реидеологизация трактуется как развернувшееся массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям современного потребительского общества.

Уже полвека назад социологи писали о том, что процесс реидеологизации находится у самых своих истоков. Его успешному развитию может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), «неолиберальные» (Д. Уилхелм) или умеренно радикальные очертания (Ж. Леметр). Но социальная практика столкнулась с неразрешимыми для нее проблемами. Можно ли действительно говорить об «исчезновении идеологий»? Могут ли вообще затихнуть политические страсти, если современное общество чревато внутренними катаклизмами? Каково мировоззрение тех, кто объявляет себя противником идеологии? В самом деле, могут ли отдельный человек или общество в целом обойтись без целостной картины мира? Важно отметить, что многие западные социологи, в их числе Р. Миллс, И. Горовиц, Н. Бирнбаум, Ла Паломбара, еще до того как самих поборников деидеологизации стали одолевать сомнения, показали уязвимость этой концепции. Они раскрыли конкретные противоречия, присущие ей. По справедливому замечанию Р. Фридрикса, концепция «деидеологизации» превратилась самым катастрофическим и фатальным образом в своего рода «социологический курьез».

Список литературы:

1. Гранов В.Д., Гуревич П.С., Семченко А.Т. В поисках духовной опоры. М., 1981.
2. Гуревич П.С. Механика политической мифологии // Психология и психотехника. 2013. № 7. С. 621–626.
3. Слотердайк П. Критика цинического разума / Перев. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001.
4. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.
5. Эллюль Ж. Политическая иллюзия / Под ред. В.И. Даниленко. М., 2003.

References (transliteration):

1. Granov V.D., Gurevich P.S., Semchenko A.T. V poiskakh dukhovnoi opory. M., 1981.
2. Gurevich P.S. Mekhanika politicheskoi mifologii // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 7. S. 621–626.
3. Sloterdijk P. Kritika tsinicheskogo razuma / Perv. s nem. A.V. Pertseva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2001.
4. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2012.
5. Ellyul' Zh. Politicheskaya illyuziya / Pod red. V.I. Danilenko. M., 2003.

Продолжение заявленной темы — см. в статье Э.М. Спировой «В коловороте общественных иллюзий».